

Пётр Николаевич Краснов

**Повести (Терунешь. Аска
Мариам)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Пётр Николаевич Краснов

Повести (Терунешь. Аска Мариам) / Пётр Николаевич Краснов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-3265-0

Петр Николаевич Краснов (1869–1947) — в российской истории фигура неоднозначная и по-своему трагическая. Прославленный казачий генерал, известный писатель, атаман Всевеликого Войска Донского, в 1918 году он поднял казаков на "национальную народную войну" против большевиков. В 1920 году Краснов эмигрировал в Германию. В годы Второй мировой войны он возглавил перешедшую на сторону вермахта часть казачества, которая вслед за атаманом повторяла: "Хоть с чертом, но против большевиков!"

ISBN 978-5-4241-3265-0

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Терунешь

I

Послѣдній мулъ моего каравана, задѣвъ мѣшками изъ грубой парусины, висѣвшими у него съ боковъ, за основную жердь плетневаго забора, пролѣтъ въ узкую калитку, и все мое имущество, основа будущаго благосостоянія, собралось на небольшой площадкѣ, поросшей высокой желтой травой. По серединѣ площадки стояла круглая хижина, сажени три въ діаметрѣ, сплетенная изъ хвороста и обмазанная грязной коричневой глиной. Хижина имѣла коническую крышу, изъ соломы «дурры», — растенія съ длиннымъ камышеобразнымъ стеблемъ. На вершинѣ конуса помѣщался красный глиняный горшокъ, и на немъ деревянный четырехъконечный крестъ, знакъ того, что усадьба принадлежала дворянину — Ато-Домисье.¹ Самъ Домисье находился на службѣ при дворѣ раса Маконена въ Харарѣ и свой аддисъ-абекскій домъ уступилъ мнѣ во временное пользованіе за двѣ штуки кумача. Отнынѣ эта круглая хижина, съ грязнымъ землянымъ поломъ, въ изобиліи населеннымъ мелкими черными блохами, становилась моимъ домо-мъ и магазиномъ. Камышовая рама, обтянутая воловьею шкурою, съ большими прорѣхами, и привязанная веревочными петлями къ жердямъ, врытымъ въ землю, замѣняла дверь, а два оконца были затянуты грязными тряпками. Тѣмъ не менѣе это была недурная относительно постройка, пригодная для моихъ цѣлей.

Изъ дверей моего двора видна была вся Аддисъ-Абеба, столица Эѳіопской имперіи. Верстахъ въ полтора, на западъ, на вершинѣ круглага холма бѣлѣли камонныя постройки Геби — дворца негуса Менелика — окруженный стѣною; отъ нихъ бѣжала темная дорога внутрь города, состоявшаго изъ цѣлага ряда усадебъ, подобныхъ моей и соединенныхъ между собой узкими каменистыми тропинками. Кое-гдѣ, окруженные рощами смоковницъ, банановъ и лимоновъ, возвышались большія круглыя крыши храмовъ, увѣнчанныя вмѣсто крестовъ звѣздами изъ крупныхъ страусовыхъ яицъ. Большой длинный домъ французскаго посланника на одномъ концѣ Аддисъ-Абебы и рядъ палатокъ, съ развѣвающимся надъ ними русскимъ флагомъ посольскаго двора на другомъ заканчивали обширный кругъ долины, занятой городомъ. Тропинки, ведшія отъ хижины къ хижинѣ, прерывались мутнымъ потокомъ Хабана, шумѣвшимъ въ глубокой промоинѣ. Кое-гдѣ къ потоку вели крутые спуски, усѣянные большими камнями. Мѣстами пейзажъ скрашивался изумрудно-зеленою лужайкой, поросшей маленькими кустами различныхъ породъ. Весь городъ былъ окруженъ горами, подымавшими свои то круглыя, то острыя вершины къ безоблачному синему небу. На сѣверъ, на столообразной горѣ, словно черная тѣнь залегли многочисленныя хижины древняго города-Энтото.

Вечерѣло. Розовымъ сіяніемъ подернулись вершины горъ, и фіолетовыя тѣни бѣжали отъ муловъ, тыковъ, построекъ и деревьевъ. Рѣзкій и пронзительный вѣтеръ становился холоднѣе и, распахивая бѣлыя шамы² погонщиковъ моихъ муловъ и обнажая ихъ худые темные торсы — заставляя спѣшить съ работой.

Вскорѣ всѣ тридцать тыковъ валялись въ живописномъ безпорядкѣ на дворѣ, мулы сбившись въ кучу возлѣ рогожи, на которую былъ насыпанъ «гебсъ»,³ то-ропливо жевали, поводя красивыми длинными ушами и обмахиваясь хвостами

отъ надоѣдливыхъ мухъ, а погонщики разводили огонь и готовились печь на круглыхъ сковородкахъ «инжиру», — родъ хлѣба, видомъ напоминающій наши масляничные блины, только громадной величины и чернаго цвѣта. Тропическая ночь наступила быстро. Городъ, шумѣвшій визгливыми нотами абиссинскихъ пѣсенъ и игръ, барабанами и колоколами церковей, — умолкъ, и, подлѣ ограды, все чаще и чаще сталъ раздаваться противный визгъ шакаловъ. Перенеся при помощи моихъ слугъ Алайу, Чуфы и Лифабечу свои вещи внутрь домика и устроивъ нѣкоторое подобіе ложа изъ свертковъ съ мягкимъ товаромъ, я зажегъ фонарь и при тускломъ свѣтѣ его отдался воспоминаніямъ...

Чи это свѣтлые глаза глядятъ на меня изъ глубины хижины? Красивые, синіе, добрые, любящіе глаза. Это глаза моей Ани. Я вижу и слезы, которыя дрожать въ темныхъ и длинныхъ рѣсницахъ, какъ дрожали въ тотъ мрачный день, когда я, Иванъ Семеновичъ Андреевъ, покидалъ свою маленькую петербургскую квартиру. Я вижу и гостиную съ круглымъ столомъ и высокой лампой на немъ, съ ящиками и тюками — вотъ этими самыми тюками, которые валяются здѣсь на соломѣ, — подогнутый коверъ, простенькій комодъ у стѣны и жену мою Аню, безсильно плачущую тихими слезами у окна.

Въ окно чуть брезжить холодное петербургское утро, моросить мелкій дождь, и длинныя струйки, что ползуть по стеклу, мнѣ кажутся продолженіемъ ея слезъ.

— Аня, говорю я, еще не поздно. Если хочешь, — я не поѣду.

Она отрывается отъ окна и падаетъ мнѣ на грудь. Я ловлю ея мокрая щеки, ея губы и цѣлую ее. Въ этихъ поцѣлуяхъ такъ много грусти и тоски.

— Нѣтъ, нѣтъ. Поѣзжай, если такъ надо. Поѣзжай.... Я не хочу быть тебѣ помѣхой, поѣзжай....

— Аня! Мы въ долгахъ. Здѣсь въ Петербургѣ мы никогда изъ нихъ не выпутаемся. И повѣрь, что быть представителемъ громадной фирмы для меня гораздо лучше, чѣмъ вести то ничтожное торговое дѣло, которое разорило меня.... Но, повторяю тебѣ, если тебѣ это такъ тяжело — я не поѣду ... еще не поздно!

— Христось съ тобой, — говоритъ Аня и крестить меня. — Возвращайся только скорѣе и не забывай!..

Бѣдная Аня! Она всего годъ, какъ жена моя. Ея кроткій тихій нравъ столкнулся съ моими мечтами о внезапномъ и необычномъ обогащеніи.

Я игралъ на биржѣ и проигрался, кредиторы готовы были описать мою бѣдную обстановку до послѣдняго стула, — надеждъ на поправку не было, когда одна большая торговая фирма предложила мнѣ отправиться съ караваномъ мануфактурныхъ и мелкихъ металлическихъ издѣлій въ Абиссинію и попробовать насколько выгоденъ этотъ новый рынокъ для Россіи. Въ случаѣ прибыли я получалъ половину ея, не неся никакихъ расходовъ; убытка я не терпѣлъ. Такое предложеніе было для меня спасеніемъ и я согласился.

О, эти дни прощанія и упаковки товара! Какую заботливость проявила Аня ко мнѣ, заворачивая вещи и дѣлая надписи дрожащей рукой. Вотъ и сейчасъ, роясь въ переметныхъ сумкахъ, я нашупалъ мягкій свертокъ и, вынувъ его, прочель — «башлыкъ» ... Она положила мнѣ даже и башлыкъ, такъ какъ слыхала, что въ Абиссиніи, въ горахъ, бываетъ холодно.

Свѣча дрожить въ жестяномъ фонарѣ, и длинныя тѣни бѣгутъ отъ ящиковъ и тюковъ, а углы хижины становятся темнѣе. Изъ угловъ глядятъ на меня дорогія лица моихъ родныхъ, и въ этомъ чужомъ для меня домѣ мнѣ хорошо. Завтра за-

стучить мой топоръ, и я устрою прилавокъ и шкапы, завтра штуки матерій лягутъ на полкахъ, а заманчивая вывѣска на абиссинскомъ языкѣ будетъ приглашать желающихъ купить что-либо въ новомъ магазинѣ единовѣрца-москова...

И я сладко дремалъ, мечтая о будущемъ, голодный и усталый на жесткихъ сверткахъ. Иногда дремоту мою нарушалъ визгъ шакаловъ у самыхъ дверей дома...

II

Я сталъ совершеннымъ абиссинцемъ. Сажусь на мула съ правой стороны, ношу шаму, какъ они, ѣмъ инжиру, пью грязный, вонючій тэчъ,⁴ который мнѣ приноситъ изъ сосѣдней деревни женщины-галласки въ большихъ глиняныхъ гомбахъ,⁵ заткнутыхъ травой, наконецъ, болтаю, перемѣшивая абиссинскія слова съ русскими и все приправляя такой мимикой, какой позавидоваль бы лучшій артистъ балетной труппы Петербурга. Я третій мѣсяцъ торгую въ Аддисъ-Абебѣ. Два раза ѣздилъ въ Хараръ пополнять запасы, и морозовскія ткани у меня смѣнились индійскими шелками и англійскимъ полотномъ. Дѣла идутъ недурно, но до большой наживы еще далеко. Въ окна моей хижины вставлены стекла, глина обмазана мѣломъ, хижина разбита на двѣ половины — магазинъ и спальню хозяина. Слуги мои одѣты въ бѣлые рубашки и штаны и прекрасно мнѣ помогаютъ, а населеніе города меня любитъ, потому что я «христианинъ-московъ» одной съ ними вѣры, хожу въ ихъ церковь, молюсь святому Георгису, пляшу вмѣстѣ со священниками и пою псалмы. Два раза меня даже звали къ епископу на чашку кофе. Я пріѣзжалъ на мулѣ въ обширный дворъ, обсаженный бананами, съ вымощенными плитнякомъ дорожками. Меня проводили въ большой круглый каменный домъ аббуны. Аббуна въ шелковой черной накидкѣ, расшитой золотомъ, сидѣлъ на альгѣ,⁶ покрытой дорогими коврами, и опирался на подушки. Онъ бесѣдовалъ со мною о Россіи и угощалъ ароматнымъ тэчемъ, который подавался въ зеленомъ стаканѣ и ставился на полъ передо мной. Кругомъ, сидя на колѣняхъ и оживленно шепчась, трапезовали священники, дьяконы и причтъ, босые, въ высокихъ греческихъ черныхъ шапкахъ и бѣлыхъ плащахъ. Домъ былъ наполненъ запахомъ чеснока и прянымъ ароматомъ тэча.

Слуги аббуны въ чистыхъ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, согласно съ обычаемъ, разносили маленькіе стеклянные графинчики съ узкимъ горлышкомъ и подавали ихъ трапезующимъ. И они съ восклицаніемъ радости, высоко запрокидывая свои темныя головы, выпивали мутный желтый напитокъ. Я говорилъ аббунѣ о братствѣ между русскими и абиссинцами, знакомилъ его съ нашими церковными наѣввами. Я привыкъ ко дню, вдругъ начинающемуся въ 6 часовъ утра, и такъ же внезапно надвигающейся ночи, привыкъ къ жарѣ днемъ, — когда отвѣсные лучи палятъ сквозь солому крыши, а въ лавкѣ становится душно, и запахъ кумача дѣлается особенно рѣзкимъ, — и холоду ночью, когда и подъ теплымъ одѣяломъ дрогнешь. Вой и визгъ шакаловъ меня не тревожатъ больше. По праздникамъ я балуюсь охотой, хожу съ винтовкой стрѣлять дикихъ гусей на Хабанѣ, или ползаю по крутымъ скатамъ горъ, въ погонѣ за козами...

У дверей моего дома всегда сидитъ или лежитъ нѣсколько абиссинцевъ. Они недѣлями присматриваются къ товару, облюбовываютъ его, загѣмъ заходятъ въ магазинъ, хвалятъ меня, расхваливаютъ приглядѣвшуюся имъ вещь, справляются о цѣнѣ, передаютъ ее изъ рукъ въ руки, чуть не облизываютъ и вдругъ возвра-

щают ее мнѣ, объявляя, что вещь — «кефу» — скверная и этой цѣны не стоитъ, причемъ предлагаютъ мнѣ отдать ее, назначая цѣну разъ въ двадцать ниже моей. Начинается торгъ съ клятвами и божбой, и, не придя ни къ какому результату, мы разстаемся почти врагами. Но это не мѣшаетъ на другой день имъ снова явиться ко мнѣ и, раскритиковавши вещь, набавить немного цѣну. Такъ длится иногда съ недѣлю, но въ концѣ концовъ вещь, къ обоюдному удовольствію, продается. Отдать вещь безъ торга, это — лишить абиссинца лучшаго удовольствія, да и сама вещь потеряетъ для него свою цѣну....

У меня есть и знакомые. Нерѣдко ко мнѣ заходятъ въ гости полковники и генералы. Я угощаю ихъ чаемъ съ печеньемъ, и мы бесѣдуемъ о политикѣ. Два французскихъ негоціанта, мои конкуренты, тоже не брезгаютъ моимъ хлѣбомъ-солью. Особенно толстякъ Савурэ, десятый годъ торгующій въ Аддисъ-Абебѣ, любить зайти ко мнѣ поболтать. Время летитъ незамѣтно, капиталы приумножаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и шансы вернуться на родину. Дай-то Богъ!..

III

Однажды день выдался на рѣдкость жаркій. Ни вѣтерка, ни струи какой-нибудь прохладной, чтобы облегчить изнемогающее тѣло. Савурэ и знатный абиссинецъ Ато-Абарра сидятъ у меня за прилавкомъ, и мы допиваемъ третій самоваръ. Потъ льетъ съ меня градомъ, мои гости тоже порядкомъ упарились.

— Э-эхъ, москочь! — дружелюбно хлопая меня по плечу, говорить сухой и темный, съ красивой черной бородкой Абарра: — все хорошо у тебя, а только некому хозяйствомъ твоимъ править. Тѣчь у тебя плохъ, инжира суховата. Надо тебѣ жениться!

Это предложеніе приводитъ Савурэ въ необыкновенный восторгъ.

Его полное лицо покрывается тысячью мелкихъ морщинъ, а маленькіе глазки совершенно сжимаются и становятся узкими и влажными.

— Мось, мось! — восклицаетъ онъ, захлебываясь: — femme малькамъ. Харошъ, очень харошъ.⁷

Ему вторитъ и Абарра. Оба они находятъ мое положеніе весьма комичнымъ, и Абарра начинаетъ мнѣ перечислять тысячи выгодъ, которыя я буду имѣть, если женюсь.

— Она будетъ печь инжиру... готовить тѣчь, бранить слугъ, считать куръ, стирать бѣлье, мазать глиной домъ, толочь зерно, ткать пряжу, чистить ружья... она будетъ любить тебя....

— О-о-о-э, — взвизгиваетъ Савурэ: — она будетъ любить тебя. Малькамъ! Очень харошъ!

— Ты возьмешь молодую абиссинку изъ хорошаго дома, и ты станешь совсѣмъ абиссинцемъ.

— Совершеннымъ абиссинцемъ, — повторяетъ Савурэ и протягиваетъ къ самовару свой допитый стаканъ.

Я наливаю ему, себѣ и Абарра чаю, подливаю сквернаго, пахучаго англійскаго рома, и мы на нѣкоторое время погружаемся въ молчаливое созерцаніе полныхъ стакановъ. Въ моей лавкѣ температура становится невозможной, но на воздухѣ еще хуже, парить и ломить всѣ кости отъ жары. Я ложусь на скамьѣ, покрытой шкурой леопарда, моему примѣру слѣдуютъ и гости. Ромъ, котораго

въ избыткъ хватиль Абарра, клонить его ко сну, и онъ клюеть носомъ. Савурэ мурлычетъ какую-то пѣсно по-французски, а я размышляю.....

Абиссинки и галласки, всѣ тѣ женщины, которыхъ я видѣлъ на пути отъ Харара до Аддисъ-Абебы, сомалійки и данакили пустыни, мелькають передо мною, то полными обнаженными, черными, какъ эбеновое дерево, торсами, то худыми костистыми плечами, выдающимися изъ-подъ грязныхъ тряпокъ, то пестрыми платками и шальями, бусами и кольцами, и темными выразительными глазами. Сквозь эту вереницу черныхъ и коричневыхъ лицъ встаетъ на секунду блѣдное, грустное личико моей Ани съ простыми синими глазами, въ которыхъ свѣтится безысходная тоска и грусть, встаетъ и заслоняется туманной дымкой пространства: морей, рѣкъ и горъ, отдѣляющихъ меня отъ Россіи. Я пытаюсь возобновить въ памяти всѣ тѣ хребты, которые мнѣ пришлось перевалить, и путаюсь въ самомъ началѣ. И снова темныя женщины окружають меня.

Я смотрю на дремлющаго Савурэ, на спящаго во всю Абарра, смотрю на свою лавку, на просторную комнату сэади нея, и мнѣ начинаетъ казаться, что жениться на абиссинкѣ было бы не дурно. Я гоню эту мысль, но она не уходитъ отъ меня, и я не могу уже отъ нея отдѣлаться.

IV

Выла суббота. На аддисъ-абебскомъ базарѣ — «габайѣ», собралось тысячъ до пяти народа.

На обширномъ склонѣ холма, вершина котораго была занята магазинами негуса, окруженными частоколомъ, торговцы и торговки разложили свой товаръ. На вышкѣ сидѣлъ начальникъ, «шумъ» базара, и наблюдалъ за порядкомъ. Оставивъ мула внизу у моего пріятеля Савурэ, я вдвоемъ со слугою толкался среди темной толпы, покрывавшей площадь. Торговцы разложили свой товаръ прямо на землѣ. Тутъ были и громадныя груды готовыхъ блиновъ инжиры, наложенныя на круглыя соломенныя корзиночки, и красный перецъ, натолченный мелкимъ порошокомъ, и зерна дурры, и мука, и куски каменной соли, обточенной брусками и употребляемой вмѣсто денегъ, и пузатыя гомбы съ тэчемъ и листья хмельнаго «геша», и головки чеснока и доски толщиною въ четыре дюйма, и жерди, и бамбукъ, и сахарный тростникъ, и солома, и ячмень, и даже верблюжій пометъ, употребляемый вмѣсто топлива. Тутъ продавали муловъ, и покупатели катались на нихъ взадъ и впередъ, пробуя ихъ проѣздь или съ криками пуская вскачь. Тамъ кавалеристы въ бѣлыхъ плащахъ, размахивая ногами и хлопая локтями, скакали, выхваляя силу и рѣзвость своихъ коней. Крикъ, гомонъ, споры, абиссинская рѣчь, перемѣшанная съ гортаннымъ говоромъ галласовъ, криками сомалей-полицейскихъ, прогуливающихъ среди толпы въ синихъ итальянскихъ плащахъ, и возгласами худыхъ скелетообразныхъ данакилей, разлегшихся возлѣ каравана верблюдовъ, вытянувшихъ свои морды наполняя площадь.

Геразмачъ, тысяченачальникъ, предшествуемый двумя слугами, изъ которыхъ одинъ несъ его двуствольное ружье, а другой — раззолоченный узорчатый, круглый щитъ, ѣдетъ на мулѣ въ богатомъ наборѣ и помахиваетъ надъ головами разступающейся толпы тонкой жердью. Надъ черными курчавыми волосами его поднимаются золотистыя пряди львиной гривы, огненнымъ вѣнцомъ окружающей лобъ и придающей ему дикій, но красивый видъ; пестрый боевой плащъ и леопардовая шкура мотаются по плечамъ его, поверхъ бѣлоснѣжной шамы и

бѣлой тонкой рубашки, стянутой краснымъ шагреновымъ патронташемъ. Сѣдло накрыто богатымъ суконнымъ чепракомъ, расшитымъ разноцвѣтными шелками. Сзади него бѣжить босоногая толпа ашкеровъ въ грязнобѣлыхъ рубахахъ, съ кожанными патронташами на поясъ и ружьями на плечахъ. Толпа разстутается передъ нимъ, иные кланяются, иные спѣшаютъ очистить дорогу....

Священникъ въ маленькой шапочкѣ и съ хитрымъ, плутоватымъ лицомъ пробирается между корзинокъ съ инжирой, казакъ нашего посольства, въ громадномъ шлемѣ, со звѣздой и отличіемъ на немъ, съ малиновыми погонами на бѣлой рубашкѣ, о чемъ-то спорить съ продавцомъ гебса. Итальянскій солдатъ въ пестрой зеленоватой чалмѣ и синемъ суконномъ плащѣ съ чернымъ лицомъ, проходить, тревожно озираясь на мальчишекъ, преслѣдующихъ его криками: « али», «али».⁸

Вдругъ среди этой толпы показалась женщина ... Ихъ было много здѣсь, молодыхъ и старыхъ, продавщицъ и покупательницъ, но эта обратила мое особенное вниманіе. Она была очень молода и красива. Темное, почти черное лицо ея, съ короткими, густыми курчавыми волосами, блистало такой молодостью, наивностью и правильностью чертъ, что невольно влекло къ себѣ. Большіе, каріе глаза сверкали изъ-подъ густыхъ рѣсницъ какою-то тревогою. Ноздри прямого и тонкаго еврейскаго носа, не слишкомъ большого и правильнаго, были раздуты, а тонкія красиво очерченныя губы то и дѣло змѣнились улыбкой. Въ длинной бѣлой рубахѣ, свободной падавшей многими складками къ ногамъ и перевязанной у пояса веревкой, съ босыми ногами и полными обнаженными руками, она сидѣла по-мужски въ сѣдлѣ, вложивъ большіе пальцы маленькихъ ногъ въ круглыя кольца стремянь. Два ашкера, верхомъ на мулахъ, съ ружьями на правомъ плечѣ, провожали ее.

Она казалась мнѣ бронзовой альмеей, соскочившей съ витрины изящнаго парижскаго магазина. Все въ ней было такъ красиво, такъ изящно, такъ полно воинственнаго, абиссинскаго благородства, что не заглядѣться на нее нельзя было. И я пошелъ за ней, любуясь ея свободной посадкой, гибкимъ станомъ и красивымъ изгибомъ темной, изящной шеи. Она обернулась и посмотрѣла на меня, Сердце мое забилось. Что думаетъ она обо мнѣ? Но темные глаза съ коричневатыми бѣлками свѣтились лаской и привѣтомъ, и, казалось, манили меня за собою. Я былъ русскій разночинецъ, а она, повидимому, дочь знатнаго абиссинца, но, что изъ этого — въ эту минуту я зналъ и помнилъ лишь одно, что я бѣлый, а она черная, а потому сословныхъ перегородокъ между нами не существовало! И я пошелъ за нею. Но ударъ по плечу остановилъ меня. Я не такъ испугался, какъ разсердился. Передо мною стоялъ Ато-Абарра. Почтенный Абарра выпилъ много тѣча, а потому отяжелѣлъ и его тонкія, стройныя, военныя ноги плохо ему повиновались.

— Самой гета, куда ты?⁹

— Куда?! Кто эта дѣвушка?

— Дѣвушка? — Абарра прищурился, приложилъ ладонь къ глазамъ козырькомъ, и всмотрѣлся въ проѣзжавшую. — А хороша?.

— Ты ее знаешь?

— Еще бы! — онъ подмигнулъ мнѣ, и все его хитрое и пьяное лицо расплылось въ слащавую улыбку. — Вотъ тебѣ и жена!

— Жена. Возможно ли? — воскликнулъ я. — Жена! Да ты знаешь ее, что ли?

— Мынну! Что за вопросы?! Конечно, знаю. Дочь баламбараса Машиша — Терунешь.¹⁰

И онъ, припрыгивая, побѣжалъ такъ легко, какъ только умѣютъ бѣгать абиссинцы, остановилъ дѣвушку и, прикладывая руки къ груди и закрывая ротъ шамою, заговорилъ съ ней, дѣлая мнѣ знаки подойти. Я подошелъ и сконфузился. Я, большой бѣлый московь, сконфузился передъ маленькой абиссинской дѣвушкой. Теперь, разглядевъ ее ближе, я увидѣлъ, что ей было не больше четырнадцати лѣтъ.

— Дэхна-ну, — сказала я, кланяясь и протягивая руку.

— Дэхна-ну, — отвѣтила она на привѣтствіе и протянула мнѣ свою маленькую ручку.

О, милое созданіе! Ея пожатіе, слабое дѣтское, ея вдругъ потемнѣвшее отъ смятенія лицо, были такъ милы, что мнѣ безумно захотѣлось взять къ себѣ въ домъ эту малютку, разложить передъ нею свои шелки и бархаты, одарить, какъ царицу, и въ царской роскоши холить и беречь ее многіе годы.

— Терунешь, — говорилъ пьяный Абарра: — гета¹¹ московь на тебѣ жениться хочеть.

— Ойя гуть, — воскликнула дѣвушка, и лицо ея стало совсѣмъ чернымъ отъ краски, залившей щеки: — старый Абарра все говоритъ глупости.

И она пустила круглый плетеный поводъ своего мула. Онъ затопоталъ тонкими ножками по красной пыльной тропинкѣ, и коричневая красавица исчезла въ пурпурѣ пыли, озаренной яркимъ солнцемъ, на золотистомъ фонѣ соломы полей и яркихъ лучей, а я остался рядомъ съ Абаррой, вдали отъ шумнаго Габайи и своего мула.

— Сосватаю. Клянусь святымъ Георгисомъ сосватаю Іоханнеса-москова съ Терунешь. Что дашь за свадьбу? Хочешь — пятьдесятъ талеровъ баламбарасу Машишѣ и сабельный клинокъ ему же, а мнѣ десять талеровъ и маленькій ножикъ съ двумя лезвіями. Идетъ, что ли? Ой, недорого. Потому недорого, что московь- христіанинъ и другъ Габеша... А Терунешь славная дѣвушка. Я ее давно знаю. Она умѣетъ готовить тѣчъ, хорошо шьеть. Она еще не была замужемъ. Ой, московь, не прогадаешь!..

Я не отвѣчалъ словоохотливому Ато, расточавшему похвалы моей нареченной: мнѣ было не до того.

Смуглое личико Терунешь, съ миндалевидными глазами и темными рѣсницами, заслонило блѣдный образъ Ани, съ ея простенькими глазками, и я забылъ ея сѣверную, холодную улыбку подъ жгучимъ небомъ Африки.

V

Не прошло и недѣли, какъ я былъ уже женатъ на Терунешь. Это случилось очень просто. На другой же день послѣ встрѣчи, ко мнѣ въ лавку зашелъ Абарра вмѣстѣ съ Машишой. Машиша залюбовался маленькимъ перламутровымъ ножичкомъ со многими лезвіями и, какъ и всѣ абиссинцы, сталъ прицѣпиваться къ нему.

— Подари его баламбарасу, — шепнулъ мнѣ на ухо Абарра.

Я послѣдовалъ его совѣту, и мой ножичекъ исчезъ въ рукавѣ Машиши.

— Вотъ что Машиша, — сказалъ Абарра полушопотомъ своему пріятелю: —

твоя дочь Терунешъ приглянулась гета москову, онъ хочетъ на ней жениться.

Машиша принялъ гордое и надменное выраженіе.

— Если гета московъ дастъ мнѣ всю свою лавку, двѣсти талеровъ и пять хорошихъ муловъ — я и тогда не отдамъ свою Терунешъ за али. Къ тому же онъ нагадій (купецъ), а дочери солдата неудобно быть замужемъ за купцомъ.

И онъ гордо, словно римскій сенаторъ, задрапировался, въ свою шаму, и, опустивъ красивую голову съ сѣдыми курчавыми волосами, закрылъ подбородокъ угломъ шамы.

Мое сердце упало. Милая улыбка Терунешъ не выходила у меня изъ головы. Послѣ такого категоричнаго отказа, мнѣ и думать нельзя было о бракѣ. Но Абарра думаль иначе.

— Полно, гета, — тихо и вкрадчиво заговорилъ онъ: — Иоханнесъ, — не подлая итальянская собака, за которой, дѣйствительно, зазорно быть замужемъ благородной абиссинкѣ. Иоханнесъ — московъ, братъ тѣхъ славныхъ москововъ, которые укротили нашихъ лошадей, и другъ ихъ святыхъ хакимовъ (врачей). Московъ христіанинъ и вѣритъ такъ же, какъ и мы. Онъ чтить святого Георгиса, молится въ нашихъ церквахъ, а аббуна Петросъ во время своихъ наѣздовъ изъ Анкобера не брезгаетъ бесѣдой съ умнымъ московомъ...

Машиша слушалъ молча и казалось, что-то соображалъ. Абарра же продолжалъ свою трескучую рѣчь такъ быстро, что я едва успѣвалъ слѣдить за нимъ и понимать его слова.

— Терунешъ здѣсь будетъ хорошо. Иоханнесъ будетъ баловать ее, если ты только не оберешь его до послѣдней нитки. Иоханнесъ дастъ тебѣ пятьдесятъ талеровъ и хорошій клинокъ. Онъ женится, чтобы навсегда распротиться съ холодной Московіей и стать совѣмъ, какъ мы. Посмотри, еще негусъ отличить его, и онъ станетъ совѣмъ monsieur Ильгъ,¹² первымъ лицомъ послѣ негуса. Развѣ худо было у Ильга его женѣ?

— Да, ей жилось хорошо, пока Ильгъ не сѣздилъ къ французамъ, и не привезъ себѣ бѣлую жену.

— Э, другъ мой, что загадывать! Дѣвушка уже въ годахъ. Ей пятнадцать лѣтъ. Хуже будетъ, какъ какой-нибудь простой ашкеръ украдетъ ее и обвѣнчается у аббы. Тогда и денегъ онъ тебѣ не дастъ, и брака ты не расторгнешь!

Это убѣжденіе, казалось, поколебало рѣшимость Машиши, и лицо его стало менѣе угрюмо.

— Надо спросить у самой Терунешъ. Хочетъ ли она идти за москова?

— Хорошо, спросимъ. А теперь выпьемъ-ка московскаго чаю, да араки (водки). Посмотри, какъ живетъ Иоханнесъ. Я бы худого для твоей дочери не посовѣтоваль.

Горячій чай, который подавалъ намъ въ жестяныхъ стаканахъ Лифабечу, вараенье, леденцы, а главное ромъ и водка склонили Машишу въ мою пользу.

— Я вижу, — сказалъ онъ: — что Московъ хорошій человекъ, но такъ дешево я не отдамъ за него свою дочь.

Абарра началъ торговаться, какъ торговался онъ изъ-за штуки матеріи, фунта сахара или старой шамы. Машиша сбавляла цѣну за свою Терунешъ, но въ это воскресеніе они такъ ни на чемъ и не рѣшили и ушли, покачиваясь и поддерживая другъ друга.

На другой день рано утромъ ко мнѣ пришелъ Абарра и сказалъ, что, если я

набавлю два ружья, то Машиша согласень отдать за меня дочь.

Послѣ этого приступили къ свадьбѣ. Явились ко мнѣ гости, «шумъ» квартала, въ которомъ я жилъ, одинъ тысяченачальникъ — кенъзамачъ въ темномъ плащѣ, какіе-то старики, нѣсколько ашкероу изъ гвардіи царицы Таиту, выпили массу тѣча, поѣли несмѣтное количество инжиры; мнѣ пришлось, по уговору Абарры, зарѣзать двухъ барановъ, при чемъ старики чуть не подрались изъ-за шкуру. Машиша и Абарра напились почти до безчувствія, и наконецъ, къ закату солнца разошлись, а старуха-мать Терунешъ привела ко мнѣ невѣсту. Къ ея приходу я приготовилъ ей подарки, бусы, шелки, кусокъ атласа и бархата. Она не вѣрила своимъ глазамъ.

— Это ты все мнѣ! — говорила она съ блестящимъ отъ восторга лицомъ: — Мнѣ! Какой ты добрый!.. И она кидалась цѣловать мои руки. Я насилу заставилъ ее подняться и поцѣловалъ ея нѣжныя, какъ шелкъ, щеки и губы. Она опять почернѣла, видимо конфузаясь, и передъ зеркаломъ стала навѣшивать на себя бусы и ленты. Она не могла сдержатъ своего восторга; смѣялась, какъ маленькая дѣвочка, и, какъ ребенокъ, хлопала въ ладоши. Ея радость доставляла мнѣ искреннее удовольствіе. Потомъ, она подошла ко мнѣ, стала на колѣни и поцѣловала мои сапоги. Я насилу поднялъ ее, посадилъ подлѣ себя и, какъ умѣлъ, сталъ объяснять ей, что теперь она моя жена, что она совершенно равна мнѣ, что она будетъ обѣдать вмѣстѣ со мной, что она моя помощница, мой другъ, моя жена... Но все это видимо плохо укладывалось въ маленькой курчавой головкѣ, и послѣ моей рѣчи она низко поклонилась мнѣ и тихо, тихо, произнесла:

— Гета — я раба твоя!..

— Ну, пусть будетъ такъ! — воскликнулъ я, искренно любуясь молодою женою своею. — Пусть такъ — ты моя раба, а я твой рабъ.

VI

Я былъ влюбленъ въ свою малютку-жену; она тоже очень привязалась ко мнѣ. Когда я по утрамъ сидѣлъ въ своемъ магазинѣ и бесѣдовалъ съ покупателями, она въ сосѣдней комнатѣ отдавала распоряженія слугамъ, и ее, казалось, тѣшила возможность заказывать обѣдъ, кормить куръ, барановъ и муловъ. Она сама ѣздила на габайю, прикрывъ лицо до самыхъ глазъ шелковымъ платкомъ, и, когда она возвращалась, я видѣлъ только ея весело смѣющіеся каріе глазки. Она легко прыгивала съ мула и, скинувъ платокъ, радостная бросалась мнѣ на шею и покрывала меня поцѣлуями. Потомъ, отойдя отъ меня на шагъ, она испытующе смотрѣла на меня своими глазами и тихо говорила: «Гета — я тебя ничѣмъ не обидѣла, ничѣмъ не разсердила?» — и покорно цѣловала мою руку.

Она училась говорить по-русски. А какъ забавно она картавила, — совсѣмъ, какъ француженка. Я любилъ слушать ее, какъ она твердила слова за стѣнкой, заучивала цѣлыя фразы, чтобы порадовать меня. Она жила только мною. Внѣ меня для нея не было никакихъ интересовъ. Если я скучалъ, и она скучала и робко смотрѣла на меня, или брала инструменту напоминающей бандуру, и, перебирая струны, пѣла пѣсню безъ мотива, безъ словъ. Но стоило мнѣ улыбнуться, и она кидалась ко мнѣ, садилась у моихъ ногъ, опиралась на мои колѣни и, ласково глядя мнѣ въ лицо и перебирая мои пальцы, пѣвучимъ голосомъ рассказывала мнѣ, какъ она меня любить.

— Безъ тебя для меня нѣтъ ни свѣта, ни солнца. Ты пришелъ, ты увидѣлъ и